

ДОБРЫЕ ЛЮДИ

ХІХ ВѢКА ВЪ ВОЛОГДѢ

ПЕТРОПАВЛОВСКІЙ ДІАКОНЪ.

Н. Сльдниковъ.

Изданіе Іоанно Предтеченскаго Рощенскаго
Братства въ Вологдѣ.

Сергіевъ посадъ.

Типографія Св.-Троицкой Сергіевой Лавры.

1907.

Петропавловскій діаконъ,
ОТЕЦЪ АЛЕКСАНДРЪ ВОСКРЕСЕНСКІЙ.

ДОБРЫЕ ЛЮДИ XIX ВѢКА ВЪ ВОЛОГДѢ.

Петропавловскій діаконъ.

о половины 70-хъ годовъ жители Вологды привыкли видѣть на улицахъ своего города одного страннаго по виду человѣка, который привлекалъ вниманіе всѣхъ. Онъ былъ средняго роста, неизмѣнно зимой и лѣтомъ одѣвался въ длинную сѣраго цвѣта одежду—не то подрясникъ, не то балахонъ, никогда при томъ неподпоясанный, на головѣ носилъ круглую мягкую шляпу, изъ подъ которой выбивались пряди недлинныхъ русыхъ волосъ: изжелта блѣдное лицо старца отличалось подвижностью, а свѣтлые голубые глаза его нерѣдко озарялись особеннымъ блескомъ.

Его звали Петропавловскимъ діакономъ, потому что онъ въ молодыхъ годахъ служилъ діакономъ

у церкви св. Апостоловъ Петра и Павла, находящейся на окраинѣ города, и уже давно вышелъ въ заштатъ.

Прошло около 30 лѣтъ, какъ не стало о. діакона.

Сколько въ этотъ продолжительный періодъ времени сошло въ могилу обитателей Вологды: и знатныхъ и безславныхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, старыхъ и молодыхъ. Только имена тѣхъ, кои проявили себя дѣйствительными благодѣтелями народа, оставили живые яркіе памятники своего любвеобильнаго сердца, передаваясь отъ отцовъ къ дѣтямъ, извѣстны до нынѣ; память о большинствѣ хранится въ тѣсномъ кружкѣ родныхъ и друзей, о нѣкоторыхъ еле имѣется, о иныхъ совсѣмъ пропадаетъ.

Не славный ни положеніемъ, ни званіемъ Петропавловскій діаконъ живъ въ памяти не тѣснаго, но обширнаго кружка вологжанъ даже такихъ, которые волею судьбы закинуты отъ родныхъ на далекія разстоянія. Личность дивнаго старца, его жизнь оставили глубокой слѣдъ въ душахъ людей знавшихъ его. И теперь какъ только нѣкоторые изъ нихъ услышатъ что-нибудь о Петропавловскомъ діаконѣ, даже одно имя его, какъ тотчасъ въ сознаніи ихъ предстаётъ кроткій ликъ служителя Хрїстова съ его блестящимъ взоромъ, то нѣжно любящимъ, то строго внушительнымъ. Этотъ образъ будитъ въ дунѣ искреннее желаніе жить для Бога и братьевъ людей, оторваться отъ себя-

любивыхъ стремленій созидать только свое личное счастье. Въ памяти воскресаютъ: его голосъ, его слова, отчетливо начертанные на скрижаляхъ сердца, его завѣты, указаніе. Сколько разъ они поднимали падавшій духъ, подкрѣпляли въ брани духовной, направляли на путь правды Божіей, возбуждая въ душѣ забытые порывы къ добру и вѣчной жизни? Съ особенною яркостью, какъ будто они вотъ тутъ сейчасъ сказаны, припоминаются его слова, намеки, его прикровенныя указанія, которые сдѣлались совершенно понятными потомъ, исполнившись въ точности въ какихъ-нибудь событіяхъ жизни. Эти случаи удивительны, они порождаютъ чувство уваженія къ старцу. Въ приливѣ чувства отцы передаютъ дѣтямъ про событія изъ своей жизни, ясно провидѣнные отцомъ діакономъ, передаютъ съ такою силою, что она невольно сообщается душамъ дѣтей и знакомыхъ, и заражаетъ ихъ чувствомъ почтенія къ угасшей лампадѣ, наполненной елеемъ хрістіанскихъ дѣлъ. Оттого-то о. діаконъ знаетъ много лицъ, невидавшихъ его, но очарованныхъ разказами о его дивной личности.

Что за сила была въ этомъ особомъ тѣлѣ, въ этомъ безславномъ человѣкѣ, которая влекла къ нему и великихъ міра и худародныхъ? Таже духовная мощь, которая въ высокой степени томилась въ юродивыхъ, прославленныхъ Церковью—въ Московскомъ Василіи, Устюжскихъ—Прокопіи,

Іоаннѣ и др. при внѣшнемъ безчестіи, при рублищахъ, являвшихся богатырями духа.

Юродивые отказывались отъ разума, отъ дара Божія, которымъ отличается человѣкъ—вънецъ творенія отъ другихъ тварей, отказывались отъ той стороны ума, подъ вліяніемъ которой устраивается дѣятельность человѣка, какъ существа чувственнаго, чтобы черезъ прекращеніе своихъ отношеній къ міру, тѣмъ болѣе расширить свою дѣятельность для Бога. Они жили на землѣ, но какъ бы не принадлежали землѣ, поэтому все, что льститъ и манитъ человѣка, богатство, слава, удовольствія, имъ были чужды, всѣ мірскія привязанности, для которыхъ живетъ человѣкъ, они ставили ни во что, считая ихъ препятствіемъ къ воспитанію въ себѣ внутренняго человѣка. Предъ ихъ духовнымъ взоромъ предносился свѣтлый маякъ— Царство Божіе, къ которому они шли прямымъ путемъ, умерщвляя грѣховныя влеченія, отвергая суеты мірскія, обыкновенно увлекаясь которыми люди забываютъ о небѣ, о своемъ вѣчномъ назначеніи. Углубившись въ свой духовный міръ, не связанные попеченіями житейскими, юродивые являлись прекрасными учителями людей, своимъ примѣромъ рѣзко отгнѣявни ми то, что едино на потребу, забытое чрезъ привязанность къ временнымъ благамъ высшее назначеніе; словами иногда рѣзкими они вразумляли своихъ ближнихъ—братьевъ во Христѣ,—настав-

ляли заблуднихъ, утѣшали скорбящихъ, обличали сильныхъ земли: ибо они не боялись никого, ихъ страшило одно лишь нарушеніе правды Божіей.

Отрѣшившись отъ тѣхъ интересовъ, коими живетъ обыкновенный человѣкъ, отъ мірскихъ привязанностей, часто отъ родственныхъ узъ, юродивые не знали, гдѣ главу подклонити; бездомные, они терпѣли все—насмѣшки, огорченія, обиды и притѣсненія, которыя въ ихъ душѣ не возбуждали непріязненныхъ чувствъ, равно и противоположныя симъ дѣйствія людей—похвалы и благоговѣніе не оставляли слѣда на ихъ душѣ, которая ограждалась отъ честолюбивыхъ помышленій и желаній крѣпкими стѣнами смиренія. Смиреніе, радостная доброта являлись отличительными чертами юродивыхъ. Вотъ въ чемъ заключается духовная красота блаженныхъ, которая привлекаетъ къ нимъ сердца даже враждебно настроенныхъ противъ нихъ людей. Къ числу такихъ рабовъ Божіихъ юродивыхъ принадлежитъ Петропавловскій о. діаконъ. Личность и жизнь его оставили весьма сильное впечатлѣніе на многихъ и между прочимъ на отзывчивыхъ тогда юношей, сдѣлавшихся извѣстными впослѣдствіи писателями: Александра Васильевича Круглова и Логина Пантелѣева. Десятки лѣтъ, въ которые ими было много переиспытано, пережито увлеченіе антирелигіозными идеями, какъ сознается А. В. Кругловъ, не могли изгладить впечатлѣнія, произведеннаго на

нихъ во дни ихъ юности, личностью о. діакона, которому они посвятили свои живыя воспоминація: первый въ журналѣ „Приходская жизнь“ (Дек. 1901 г. стр. 494—504), второй въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“.

По почину помянутыхъ свѣтскихъ авторовъ и горячему желанію почитателей о. діакона рѣшились мы собрать отъ достойныхъ полного довѣрія лицъ свѣдѣнія о личности, жизни и случаяхъ прозорливости Петропавловскаго діакона, воспользо-вавшись и сообщеніями помянутыхъ почтенныхъ авторовъ.

Настоящее имя Петропавловскаго діакона—Александръ Васильевичъ Воскресенскій. Онъ родился въ 1803 году, былъ сынъ причетника. Учился Александръ Васильевичъ недолго—онъ уволился изъ высшаго отдѣленія Вологодскаго Духовнаго Училища и поступилъ въ писаря Духовной Консисторіи. 20 лѣтъ отъ роду, именно 2-го Дек. 1823 г. Александръ Васильевичъ посвященъ былъ въ санъ діакона къ Петропавловской церкви, находящейся на южной окраинѣ г. Вологды. Здѣсь онъ служилъ 21 годъ до 1-го ноября 1844 года, когда по болѣзни вышелъ за штатъ. Вотъ все, о чемъ говоритъ его формуляръ, помѣщавшійся въ Клировыхъ вѣдомостяхъ. О жизни Александра Васильевича во дни его служенія діакономъ у Петра и Павла никто не знаетъ, никто не интересовался. Онъ сдѣлался извѣстнымъ предметомъ вниманія

и уваженія тогда, когда сталъ жить не такъ, какъ другіе люди. Случилось это, мы назовемъ, духовное возрожденіе, послѣ болѣзни, когда онъ постигъ всѣмъ существомъ своимъ истину назначенія человека на землѣ, понялъ тщету житейскихъ заботъ, поглощающихъ часто все вниманіе человека, въ погонѣ за благами міра забывая все о воспитаніи своего сердца. Предъ нимъ открывалась свѣтлая даль Царства Божія, радость чистоты сердца и жизнь по Богѣ. Чтобы вырваться отъ душившихъ порывы духа крѣпкихъ узъ земныхъ, отрѣшиться отъ пристрастій, установившихся отношеній людскихъ, отецъ діаконъ сталъ казаться безумнымъ. Многіе дѣйствительно считали его сумасшедшимъ. На нѣкоторое время о. діаконъ помещенъ былъ въ домъ умалишенныхъ. Онъ углубился въ свой внутренній міръ. Свободный, какъ будто отрѣшенный отъ всего тѣлеснаго, духъ его виталъ въ высшихъ сферахъ. „Бывало, придетъ къ намъ о. діаконъ, рассказываетъ нынѣ уже пожилая женщина Л-ва, сядетъ куда-нибудь въ уголь и глубоко, глубоко задумается. Мы выходили изъ комнаты, оставляя о. діакона въ покоѣ. И вдругъ онъ очнется добрый, радостный...—У тебя, мати, хоть подумать можно, скажетъ онъ, душой отдохнешь.—Помолитесь, простится и быстро, быстро пойдетъ. Куда, Богъ вѣсть“. Отецъ діаконъ не разставался съ мыслию о Богѣ. Молитвенное настроеніе было въ его душѣ господствующимъ. Вѣр-

ный сынъ и служитель Церкви, онъ жилъ ея жизнью. Пѣснопѣнія праздника, тропари, стихиры въ честь святыхъ того или другого дня тѣснились въ его сознаніи: онъ ихъ напѣвалъ своимъ тоненькимъ чистымъ голосомъ и часто заносилъ на бумагу. Предъ нами кипы синей и бѣлой толстой бумаги листовъ. Крупнымъ красивымъ почеркомъ о. діакона на нихъ написаны церковныя молитвы: то Христось воскресе изъ мертвыхъ, Рождество твое Богородице Дѣво, то тропари святымъ напр. Іоакиму и Аннѣ, преп. Ксенофонту, Николаю Чудотворцу и др. Особенно же любимую его молитвою была: все упованіе мое на тя возлагаю, Мати Божія, сохрани мя подъ кровомъ своимъ. На нѣсколькихъ листахъ вслѣдъ за церковными пѣснопѣніями проставляется число, годъ; на другихъ сдѣланы помѣтки: великъ день у Господа, или великъ день у Царицы Небесной, только у меня малъ; иногда: надо отслужить молебень. Эти листы тщательно хранятся его почитателями. Передавая листы съ молитвами благочестивымъ людямъ, о. діаконъ присоединялъ разныя благожеланія тоже писменныя. Листокъ въ четверку желтой бумаги: вверху поставленъ крестъ, за нимъ четко написана молитва Господня и внизу: Ангелъ Господень да сохранитъ васъ и все ваше семейство, или: сохранить вхожденіе ваше и исхожденіе отъ нынѣ и до вѣка. Случалось, что онъ дарилъ своимъ знакомымъ рукописи съ такими молитво-

слоніями, которыя имъ были особенно потребны въ настоящую минуту и даже во всей послѣдующей жизни, принося успокоеніе и духовную поддержку. Приходитъ о. діаконъ разъ въ домъ къ одной старушкѣ и говоритъ ей: дай, мати, бумажки. Она съ удовольствіемъ вручаетъ ему чистый листокъ. Онъ написалъ: „да будетъ воля Твоя,“ подалъ, помолился и ушелъ. Старушка скоро ослѣпла и въ великомъ своемъ горѣ утѣшалась вѣрою въ премудрый промыслъ Божій, постоянно съ покорностью взывая ко Господу: „да будетъ воля Твоя.“

Порывы молитвенные захватывали о. діакона на разныхъ мѣстахъ. Войдетъ онъ въ храмъ, здѣсь изольетъ свою мольбу. Любилъ старецъ псалмы Давида, которые такъ трогаюгъ душу, залѣчиваютъ раны душевныя, утишаютъ страсти. „Такъ какъ въ городскихъ храмахъ иногда пропускались псалмы на каѳизмахъ, особенно въ будни, то о. діаконъ бывало встрѣтится со священникомъ и какъ бы мимоходомъ замѣтитъ: Давида-то забываете. То вдругъ онъ остановится посреди улицы и начнетъ молиться колѣнопреклоненный. „Въ первый разъ я увидѣлъ П—го діакона, рассказываетъ А. В. Кругловъ при слѣдующей обстановкѣ. Онъ сидѣлъ на берегу рѣки, окруженный ребятами и взрослыми. Я подошелъ и спросилъ: что тутъ такое? Мнѣ отвѣтилъ какой-то мужикъ въ осямѣ: А это Божій человекъ молится о насъ грѣшныхъ. Я протискалъ

ся чрезъ толпу и увидѣлъ діакона, стоявшаго на колѣнкахъ и молящагося вслухъ. По временамъ онъ бралъ въ руки камешки, песокъ и бросалъ въ сторону. Многіе, видимо, были довольны, если бросаемое попадало на нихъ. Вдругъ діаконъ вскочилъ и побѣжалъ быстро, быстро. Нѣкоторые кинулись за нимъ.“

Какъ горячо молился онъ! рассказывала жена священника По—ва, я видѣла о. діакона въ Ярославлѣ, когда онъ пріѣзжалъ съ однимъ подгороднимъ вологодскимъ священникомъ. Лицо его дышало умиленіемъ, озарялось неземною радостью. Надо было видѣть его усердіе! Горячая молитва старца, вѣримъ, доходила до Бога.—12-ти лѣтней дѣвочкой я заболѣла тифомъ, сообщала намъ А. П. Ле—ва, лежала тяжело, мать отчаялась въ моемъ выздоровленіи и плакала; о. діаконъ утѣшалъ и говорилъ:— пойдемъ, помолимся вмѣстѣ. Помолились предъ иконой; за ней онъ оставилъ записку съ молитвой. Я выздоровѣла.—Другая почитательница Петропавловскаго діакона Г. С. Грачева, въ тонѣ разказа которой слышится глубокая вѣра въ молитвы старца, сообщала: 12 лѣтъ у меня не было дѣтей. Только бездѣтная мать можетъ понять остроту моего горя. Приходитъ однажды къ намъ о. діаконъ и, ударяя меня по плечу, говоритъ: прибить тебя надо, дѣтей-то у тебя нѣтъ.— Какія же у меня дѣти, вотъ уже 12 лѣтъ я замужемъ, а Господь меня не благословилъ, отвѣтила

я съ печалью. О. діаконъ ушелъ въ другую комнату и долго тамъ молился предъ иконою Царицы Небесной. Потомъ подходитъ ко мнѣ, ударяетъ опять по плечу и съ горящимъ взоромъ говоритъ: по вѣрѣ твоей дано будетъ. Вскорѣ я отправилась къ роднымъ въ Кадниковъ и тамъ рассказывала о поступкѣ о. діакона. Никто не придалъ словамъ его особеннаго значенія. Но я затежелѣла. Была масляница. Приходитъ опять къ намъ о. діаконъ. Я предложила ему покушать блиновъ.

— Славныя у тебя блины-то.

— Кушай, о. діаконъ, на здоровье, усердно угощала я.

— А какъ звать-то будешь Ѳедоромъ или Петромъ?

— Какъ Богъ дастъ, сказала я, понявъ, что онъ говоритъ о будущемъ ребенкѣ. Я подумала, что у меня родится сынъ или предъ памятью Ѳедора Стратилата или Петровымъ днемъ, соотвѣтственно съ этимъ дано будетъ младенцу имя. Наканунѣ праздника Первоверховныхъ Апостоловъ у меня родился сынъ. Назвали его Петромъ.

Г. С. Г—ва вполне вѣритъ въ силу молитвъ старца. Поставляя молитву выше всего въ жизни, Петропавловскій діаконъ настойчиво просилъ своихъ знакомыхъ чаще молиться, убѣждалъ—понуждать себя къ молитвѣ, чтобы достигнуть дара умиленія.—Часто говаривалъ онъ мнѣ, сообщаетъ жена діакона Ка—кая: молись, молись и ты бу-

дешь счастлива. Къ Богу за помощью, подъ покровъ Царицы Небесной совѣтоваль онъ прибѣгать въ скорбяхъ и несчастіяхъ. Въ Вологдѣ совершался крестный ходъ. О. діаконъ подбѣгаетъ къ одному изъ участвовавшихъ въ немъ священниковъ О. И. А—му и подаетъ ему какую-то записочку; тотъ, не обращая вниманія на врученную ему бумажку, бросаетъ ее на землю. О. діаконъ не огорчается такимъ невниманіемъ священника, но нѣсколько разъ громко произноситъ; „помолись Царицѣ-то Небесной.“ Вскорѣ въ домъ о. И—ія переживалось горе: его жена мучилась въ трудныхъ родахъ. Въ постигшей скорби батюшка вспомнилъ наставленіе юродиваго, отслужилъ молебенъ Божіей Матери и жена его благополучно разрѣшилась отъ бремени.

Петропавловскій діаконъ любилъ людей, жилъ всегда съ ними. Какъ дитя не дѣлаетъ перегородокъ между людьми, протягиваетъ руки ко всякому, въ комъ видитъ ласку и доброту, такъ о. діаконъ безъ всякихъ расчетовъ, по влеченію сердца тянулся со своею любовью ко всѣмъ, кто имъ не гнушался. Замѣчали, что онъ иногда ходилъ сторонкой, чтобы не попадаться на встрѣчу тѣмъ, кои его чуждались, пока тѣ не понимали ненормальности своего настроенія и не становились въ ряды глубокихъ почитателей старца. Радостная доброта являлась источникомъ счастья для окружающихъ, дѣтская простота о. діакона влекла къ нему горожанъ, даже высокопоставленныхъ лицъ.

А. В. Кругловъ рассказываетъ, что одно административное лицо въ городѣ очень благоволило къ діакону, посылало ему подарки, давало деньги, когда юродивый приходилъ къ нему, угощалъ съ выраженіемъ полнаго почтенія. Мѣстный Владыка съ улыбкой выслушивалъ ту рѣзкую правду, какую иногда говорилъ ему діаконъ въ лицо. Юродивый былъ вхожъ всюду и это не считалось страннымъ. Вотъ онъ—въ семинаріи въ старшемъ классѣ. Семинаристы окружили его, рассказываетъ очевидецъ Д. А. Гл—скій.—Я вамъ тему дамъ, сказалъ о. діаконъ.—„Съ небесныхъ круговъ слетѣлъ Гавріиль.“ Славная тема... Онъ былъ дорогимъ гостемъ во многихъ и богатыхъ роскошныхъ домахъ у интеллигентныхъ лицъ, и въ убогой хатѣ горожанина, у простыхъ, у нищихъ. Для него были открыты двери... И вездѣ онъ одинъ и тотъ же, неизмѣняющій своего поведенія—рабъ Божій. Весьма просвѣщенный человекъ Н. А. По—товъ съ одушевленіемъ свидѣтельствовалъ: о. діакона считали сумасшедшимъ, онъ казался таковымъ по поступкамъ, но взглядъ его былъ глубокой и умный, а сердце прямо золотое. Онъ искренно утѣшалъ впадавшихъ въ несчастіе, подкрѣплялъ ихъ посильнымъ словомъ надежды на помощь Божию. „Всѣ ему открывали свои горести и печали. Это была натура кроткая и участливая къ обывательскому горю,“ пишетъ Л. Пантелѣевъ. Сердечное участіе приносило скорбящимъ утѣшеніе

и усладу. Сколько сердечныхъ ранъ залечилъ онъ своею отзывчивостью! Во сколькихъ людяхъ поддержалъ духъ для новой борьбы! Скорбящіе вѣрили, что о. діаконъ, поможетъ имъ своею молитвою и словомъ. Они просили у о. діакона помолиться за нихъ. Предъ нами маленькій лоскутокъ бумаги, въ немъ карандашемъ печатными буквами написано: „о. діаконъ, помолись за меня, я скучаю, глаза болятъ, помолись Богу о мнѣ грѣшной Асенеѣ.“ О. діаконъ чувствовалъ, гдѣ особенно нужна его помощь духовная. Гнетущее сознаніе одиночества, потребность посовѣтоваться—онъ вдругъ тутъ, словно „выростаетъ.“ Приведемъ здѣсь рассказъ одной женщины А. П. Ле—вой свидѣтельствующій о любвеобильномъ сердцѣ о. діакона.

Въ одинъ годъ у меня умерли мать и мужъ. Я осталась вдовой 24 лѣтъ. Чувствовалось томленіе духа и страхъ предъ будущимъ. О. діаконъ явился истиннымъ помощникомъ въ моей скорби. И ранѣе нерѣдко бывавшій у насъ, онъ теперь сталъ неизмѣннымъ посѣтителемъ. Идешь бывало съ кладбища онъ ужъ тутъ: или дожидается на крыльцѣ, или сидитъ за самоваромъ... Тяжело положеніе молодой вдовы, особенно таково оно было въ прежнее время—пересуды и разговоры. Хотѣлось самостоятельно добывать себѣ средства къ жизни и я избрала было трудъ акушерскій, думала учиться, но это намѣреніе подверглось осмѣянію злоязычныхъ людей, возбудившихъ много тревож.

ныхъ для меня толковъ. О. діаконъ поддерживалъ мой духъ. Когда чувствовалась потребность поговорить и зная одиночество является о. діаконъ, какъ-будто вырастаетъ. Онъ утѣшалъ, ободрялъ и острота горечи отъ полученныхъ обидъ пропадала. Часто твердилъ онъ мнѣ съ силою въ голосъ: не унывай, не падай духомъ. Онъ ласкалъ съ отеческою нѣжностью, заботился обо мнѣ, какъ о дочери и называлъ себя моимъ почитателемъ. Въ первый разъ онъ наименовалъ себя такъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Я жила въ маленькой квартиркѣ, за стѣной помѣщалась другая квартирантка; по свойственному женщинамъ любопытству она слѣдила за мной, за моею жизнью, за знакомствами, наблюдая, кто былъ у меня, и что говорилъ. Разъ какъ-то она пропустила, не замѣтила, кто вошелъ въ мою комнату и, услышавъ мужской голосъ, загорѣлась любопытствомъ. Войти въ комнату сосѣдки постѣснилась, она послала подсмотрѣть дѣтей своихъ. Произошло необычайное. Всегда мягкій и кроткій о. діаконъ, увидѣвъ дѣтей, взволновался, закричалъ на дѣтей, забранилъ ихъ. Все случилось такъ неожиданно, что меня забила нервная дрожь и я прислонилась къ косяку двери.— Ей бы самой за собой смотрѣть, кричалъ онъ возмущенный подсматриваніемъ, а не за ней. Я буду твоимъ поручителемъ...—О. діакону открывали то, что было на душѣ прямо и не обинуясь, чисто-сердечно исповѣдывались въ своихъ грѣхопадени-

яхъ, дѣлились радостями; намѣреніями и желаніями. Почитатели вѣрили, что рабъ Божій укажетъ средство избавиться отъ гнета страстей, по крайней мѣрѣ скажетъ свое откровенное и мѣткое слово.

Въ судьбѣ нѣкоторыхъ лицъ о. діаконъ принималъ горячее участіе, такъ что безъ совѣта его тѣ не предпринимали ничего важнаго въ жизни. Благословеніе старца являлось мотивомъ къ рѣшительному ихъ шагу. Съ благоговѣніемъ и безконечною благодарностью вспоминаетъ о Петропавловскомъ діаконѣ нынѣшня я игуменья Успенскаго монастыря С—ія. Домъ ихъ—она изъ рода дворянъ Кубенскихъ—былъ въ приходѣ Петра и Павла. Еще маленькой дѣвочкой, сообщаетъ намъ матушка, я чувствовала влеченіе къ о. діакону, который служилъ въ приходѣ, гдѣ жили мои родители. Когда о. діаконъ (въ 40-хъ годахъ) находился въ домѣ умалишенныхъ, отецъ мой собрался разъ навѣстить больного. Не удержалась, не утратилась и я, пошла съ отцомъ. О. діаконъ все время разговаривалъ съ нами вполне и здраво—онъ не былъ сумасшедшимъ. Видъ его хорошо запечатлѣлся въ памяти.

20 лѣтъ я поступила въ монастырь. Жила я въ нижнемъ этажѣ игуменскаго корпуса. Замѣчательно, что о. діаконъ съ самаго начала моего поступленія въ монастырь сталъ звать меня „игуменьею,“ предрекая мой будущій постъ.

— Откуда ты это, о. діаконъ? встрѣчаетъ келей-

ница тогдашней игуменьи, неожиданно появившагося въ ея покояхъ гостя.

— Отъ игуменіи (подразумѣвается будущей) къ игуменіи (настоящей).

Являясь ко мнѣ, онъ утѣшалъ, ободрялъ меня, былъ незамѣнимымъ мудрымъ совѣтникомъ. По нѣкоторымъ обстоятельствамъ мнѣ пришлось перейти изъ Вологды въ Ярославскій Казанскій монастырь. Тамъ прожила я 7 лѣтъ.

Въ одно лѣто о. діаконъ пріѣзжалъ въ Ярославль.

— Царица Небесная, обрящи мнѣ Раису, громко говорилъ онъ, идя по двору монастыря, гдѣ жила я. Необыкновенный видъ старца, его блестящій взоръ, его вопль: Царица Небесная, обрящи мнѣ Раису (мірское мое имя) невольно обратили на него вниманіе сестеръ. Многія изъ нихъ вышли и окружили юродиваго.

Замѣтивъ въ монастырѣ необыкновенное оживленіе, я взглянула въ окно и вижу: „отецъ діаконъ изъ Вологды.“—Какъ, какими судьбами?

— Вотъ Царица Небесная обрѣла мнѣ Раису, радостно воскликнулъ онъ. Прощаясь съ нами (въ монастырѣ были и другія сестры изъ Вологды), онъ говорилъ:—скоро пріѣдете, вологжанки. Эти слова намъ тогда казались странными, потому что мы не имѣли намѣренія оставить Ярославль. Но о. діаконъ говорилъ ясно. По возвращеніи изъ Ярославля, онъ и матери моей подтвердилъ, что

я вернусь сюда, что въ Успенскомъ монастырѣ я уже записана. Дѣйствительно, по неисповѣдимымъ судьбамъ Промысла на слѣдующее лѣто я переехала вновь въ обитель, гдѣ положено было начало иноческой жизни.

Предъ постриженіемъ въ мантию иногда чувствуется томленіе духа, внутреннее бореніе—открывается величіе подвига и слабость силъ для несенія его, страхъ предъ будущимъ. Когда настоятельница монастыря предложила мнѣ готовиться къ постриженію въ мантию, это томленіе испытывала и я. Не рѣшалась принести обѣты своя Господу. Матушка игуменія нѣсколько разъ повторяла свое предложеніе.

— Спрошу у о. діакона, отвѣчала я, что онъ скажетъ, безъ его благословенія не могу рѣшиться. О. діаконъ какъ нарочно не показывался въ монастырѣ. Но вотъ онъ пришелъ. Я передала ему свои думы. Вскипятился о. діаконъ, такимъ не видала я никогда. Изъ стѣнъ монастыря тебя гнать надо, горячился онъ. Если предлагаютъ, значить воля Божія! Рѣшительное слово прекратило всѣ сомнѣнія. Легко жилось при такомъ добромъ человѣкѣ.

Высокочтимый В. П. Ч—евъ рассказываетъ нѣсколько случаевъ прозорливости о. Петропавловскаго діакона, имѣвшихъ мѣсто въ его жизни. Когда я учился въ Москвѣ (1867—1871 г.), рассказываетъ Ч—евъ, но на лѣто почти всегда при-

ѣзжалъ со своею покойною матушкой въ Вологду. Такъ было и въ 1870 году. Въ началѣ іюня мы отправились изъ Москвы въ Вологду. Отъ Ярославля мы ѣхали на лошадахъ: желѣзной дороги тогда еще не было. Стояла ненастная погода, но передъ Вологдой она начала измѣняться къ лучшему и въ Вологду мы въѣхали при полномъ блескѣ солнца.

— „Вотъ, говорю я матушкѣ, Вологда какъ хорошо насъ встрѣчаетъ.“—Да, отвѣчаетъ матушка, это хорошій признакъ, одного только недостаетъ,—недостаетъ, чтобы мы встрѣтили Петропавловскаго діакона. Едва успѣла она вымолвить эти слова, какъ откуда ни возмись, отецъ діаконъ; онъ заглядываетъ въ нашъ тарантасъ и креститъ насъ. Мы даже вздрогнули отъ такого скорого и внезапнаго исполненія нашего желанія. И надо прибавить, что все это лѣто мы провели очень весело и въ полномъ здоровьи.

Въ 1871 году я окончилъ курсъ ученья и пріѣхалъ въ Вологду съ тѣмъ, чтобы пріискать себѣ какое-нибудь мѣсто. Свободныхъ мѣстъ не было. Чтобы не терять напрасно времени, я рѣшился поступить на службу безъ жалованья въ Губернское Акцизное Управленіе. Управляющимъ въ то время былъ Д. Н. Колошинъ—человѣкъ немолодой и, видимо, пожившій. Служу я, но не оставляетъ меня мысль, что я сижу у отца на шеѣ, когда бы могъ своимъ трудомъ пріобрѣтать средства къ жизни. Съ

каждымъ днемъ мысль эта меня мучила все болѣе и болѣе. Разъ въ какой-то праздникъ я пошелъ къ обѣднѣ въ Дѣвичій монастырь. Послѣ обѣдни захожу къ знакомой монахинѣ и вижу у нея въ келліи Петропавловскаго діакона. По обыкновенію онъ быстро ходитъ по комнатѣ осматриваетъ стѣны и углы. Увидя меня, о. діаконъ остановился и спрашиваетъ:

— Какъ живешь?

— Плохо, отвѣчаю, сижу безъ мѣста.

— Зачѣмъ плохо, а ты живи хорошенько. Вотъ найдешь человѣка и мѣсто получишь, такъ недѣльки черезъ двѣ, говоритъ діаконъ. Послѣ этого онъ еще прошелся по келліи и, приблизившись ко мнѣ, спрашиваетъ: Кто твой начальникъ?

— Колошинъ, отвѣчаю я.

— А, Колошинъ, жизнью поношенъ, ну, всякая колоша изнашивается, говоритъ о. діаконъ. Затѣмъ, помолчавъ немного, онъ продолжалъ: „Вотъ сынъ-то мой попъ, а я то клопъ, ну да впрочемъ умираю со скуки, ломаю себѣ руки.“ Съ этими словами о. діаконъ, еще разъ пройдясь по келліи, и пристально на меня посмотрѣвъ, вышелъ изъ келліи. Предсказаніе о. діакона въ точности исполнилось. Аккуратно черезъ двѣ недѣли я получилъ мѣсто писмоводителя при Кадниковскомъ Окружномъ Акцизномъ Управленіи и хотя поѣхалъ туда съ радостью, но за тѣмъ, какъ непривыкшій къ уѣздной жизни, сталъ страшно скучать

и смотрѣть на Кадниковъ, какъ на мѣсто ссылки и буквально отъ скуки ломаль себѣ руки, при полной безнадежности получить что-либо лучшее по службѣ.

Въ концѣ 1872 г. я рѣшился покинуть Кадниковъ. Съ этою цѣлью на Рождество пріѣхаль въ Вологду и сталъ приискивать себѣ мѣсто. Но на мое несчастье мѣста въ Вологдѣ для меня не находилось и я уже хотѣлъ съ отчаяніемъ въ душѣ ѣхать обратно въ постылый городъ. Предъ отъѣздомъ я пошелъ въ соборъ къ обѣднѣ. Это было въ воскресенье. Иду отъ обѣдни усталый и разбитый нравственно своею неудачею. Вдругъ у квартиры отца, гдѣ я остановился, пріѣзжая изъ Кадникова, встрѣчаю о. діакона.

— Какъ живешь? спрашиваетъ онъ.

— Плохо, говорю, живу. Пріѣзжалъ въ Вологду искать мѣста, не нашель.

— Зачѣмъ плохо, ты живи хорошо. Найдешь хорошаго человѣка. Такъ черезъ двѣ недѣли будетъ мѣстишко рублей въ 500. Сказавъ это, юродивый убѣжалъ отъ меня. Слова о. діакона запали мнѣ въ душу и сразу оживили меня, потому что я уже испыталъ истину его словъ на себѣ. Прихожу на квартиру и сажусь пить чай. Отецъ мой былъ дома. Вдругъ—звонокъ. Докладывають, что къ отцу пріѣхаль съ визитомъ Управляющій Казенной Палаты (нынѣ покойный) Александръ Семеновичъ Кахановъ. Я вообще никогда не выхо-

диль къ гостямъ отца, а тутъ и тѣмъ болѣе, потому что не только не былъ знакомъ съ Кохановымъ, но даже никогда его не видалъ. Но отецъ зоветь меня и говоритъ, что Кохановъ желаетъ со мною познакомиться. Пришлось войти и Кохановъ произвелъ на меня самое пріятное впечатлѣніе. Первый его разговоръ со мной былъ о моей службѣ: зачѣмъ я служу въ Кадниковѣ, когда могъ бы служить въ Вологдѣ. На мой отвѣтъ, что для меня въ Вологдѣ мѣстъ не находится, Кохановъ съ упрекомъ обратился къ моему отцу, что тотъ обо мнѣ ему, Коханову, никогда ничего не говорилъ, между тѣмъ какъ на дняхъ было свободное мѣсто чиновника особыхъ порученій, но теперь уже занято. Затѣмъ съ присущею ему любознательностью Кохановъ обратился ко мнѣ и попросилъ позволенія имѣть меня въ виду при открывшихся въ палатѣ вакансіяхъ. Конечно я поблагодарилъ добраго человека, но въ душѣ подумалъ, что это съ его стороны только свѣтская любезность, не переходящая отъ слова къ дѣлу. На другой день я уѣхалъ въ Кадниковъ. Каково же было мое удивленіе, когда ровно черезъ двѣ недѣли я получилъ отъ отца записку А. С. Коханова, въ коей онъ извѣщаетъ, что въ Казенной Палатѣ открылось мѣсто столоначальника съ жалованіемъ въ 500 рублей и что, если я желаю занять это мѣсто, то долженъ проситься. Я, конечно, съ радостію подалъ просьбу, получилъ мѣсто въ 500 рублей

и мысленно поблагодарилъ моего незримаго покровителя и ходатая.

Разъ, когда я уже жилъ въ Вологдѣ на отдѣльной отъ отца квартирѣ, возвращаюсь къ себѣ на квартиру. Меня догоняетъ о. діаконъ и просить у меня сапоги. На мое объясненіе, что у меня лишнихъ сапогъ нѣтъ, что одни на мнѣ, а другіе на квартирѣ, о. діаконъ говоритъ мнѣ, что ему ни тѣхъ ни другихъ сапогъ не нужно, а что я долженъ отдать ему зеленые сапоги. Когда я отвѣтилъ ему, что у меня зеленыхъ сапогъ никогда не бывало, о. діаконъ подтверждаетъ, что у меня есть зеленые сапоги и идетъ за мною на квартиру. Матушка моя, бывшая въ это время у меня, также подтверждала правду моихъ словъ. Но отецъ діаконъ все таки настаивалъ на существованіе зеленыхъ сапогъ. Разрѣшительницею сего спора явилась моя квартирная хозяйка П. М. Дружинина, объяснившая мнѣ и матери, что въ чуланѣ, мною занимаемомъ, есть дѣйствительно еще сапоги, которые были вынесены, потому что были мнѣ узки.— „Эти самые и есть, говоритъ о. діаконъ.

Каково же было наше изумленіе, когда изъ чулана были принесены сапоги. Отъ сырости они совершенно позеленѣли. О. діаконъ съ радостію схватилъ эти сапоги и убѣждалъ изъ квартиры, ничего болѣе не сказавши.

Въ одно время, когда я уже жилъ на новой квартирѣ, матушка моя шла ко мнѣ. Нагоняетъ ее

о. діаконъ и говоритъ, что ему надо зайти къ богатому барину и съ этими словами входитъ ко мнѣ на квартиру. Вошелъ, посмотрѣлъ, покрестилъ углы и меня съ матушкой и ушелъ, ничего не попрося и ничего болѣе не сказавъ. Въ то время у меня не много было денегъ, скопленныхъ трудомъ и богатымъ человѣкомъ меня нельзя было назвать. Но умираетъ моя тетушка (двоюродная сестра моей матери), у которой было свое семейство и неожиданно оставляетъ мнѣ капиталъ въ 5000 рублей. Такимъ образомъ, я и сдѣлался, если не совсѣмъ богатымъ баринкомъ, все же человѣкомъ достаточно обеспеченнымъ.

Ко мнѣ въ Вологду пріѣхала погостить и помолиться предъ Вологодскими святынями наша старая знакомая Капитолина Васильевна Рудакова (нынѣ уже умершая). Эта дѣвушка была подвижница, всю жизнь жила для другихъ и забывала себя. Мы съ нею обошли въ Вологдѣ почти всѣ церкви и отъ насъ она ѣздила въ Прилуки, Заоникіеву пустынь, въ Глушицы, въ Семигородную и въ Лопотовъ монастырь. Прожила у меня Рудакова около 1½ мѣсяца и, наконецъ, собралась ѣхать. Предъ отъѣздомъ она со мною пошла въ Дѣвичій монастырь. Помолившись тамъ, идемъ съ ней домой и разсуждаемъ о томъ, гдѣ она была въ Вологдѣ и что видѣла. Такъ доходимъ мы до соборнаго дома. Тутъ Капитолина Васильевна и заявляетъ мнѣ, что все она въ Вологдѣ ви-

дѣла, только одного Петропавловскаго діакона не видала. Поровнялись съ соборнымъ домомъ и вдругъ изъ-за угла дома выбѣгаетъ о. діаконъ, останавливается предъ моею гостьей, снимаетъ съ себя шляпу, кланяется и спрашиваетъ: какъ живешь? Капитолина Васильевна въ испугѣ спрашиваетъ меня: кто это? Я тихонько говорю: Петропавловскій діаконъ. Затѣмъ, Петропавловскій діаконъ благословилъ ее и побѣжалъ дальше. Капитолина же Васильевна поблагодарила Бога за такое неожиданное исполненіе ея желанія.

Я и моя покойная матушка постоянно замѣчали: когда мы оба были покойны душою, то при встрѣчахъ о. діаконъ пробѣжитъ мимо и ничего не скажетъ. Напротивъ, если что насъ когда-нибудь беспокоило, то о. діаконъ или спрашивалъ, какъ живемъ или, крестилъ насъ обоихъ.

Особенно сильно любовью о. діакона пользовались сироты. Онъ частенько являлся даже въ совершенно незнакомыя семьи, чтобы и тутъ пролить теплый лучъ своей ласки; хоть на минуты забудетъ семья о гнетущемъ ее горѣ, а гдѣ можетъ, онъ позаботится, попроситъ о сиротахъ объ улучшеніи ихъ участи. У Пятницкой церкви въ Вологдѣ, рассказываетъ о. діаконъ П—вговъ, былъ домъ сиротъ діакона Ермолова. Въ сосѣднемъ домѣ загорѣлось. Пожаръ угрожалъ дому Ермоловыхъ такъ сильно, что сняты были паруса и домъ предоставленъ былъ во власть огня. Подходить

Петропавловскій діаконъ.—Надо, говорить, отстоять сиротскій домъ, и удаляется на дорогу къ церкви, начиная молиться. Черезъ нѣсколько минутъ является къ пожарнымъ какой-то господинъ и убѣдительно проситъ отстоять домъ. Натянули паруса и домъ уцѣлѣлъ. Послушаемъ разсказъ одной дамы В—ной, живо вспоминающей свое дѣтство и неразрывно съ нимъ образъ о. Петропавловскаго діакона. Послѣ отца насъ осталось 6 сестеръ. О. діаконъ любилъ всѣхъ сиротъ. И насъ часто навѣщаль. Войдетъ въ комнату и усердно помолится, иногда споетъ какое-нибудь церковное пѣснопѣніе, потомъ начинаетъ порывисто вынимать изъ кармана своего балахона булки (плюшки) конфекты. Положитъ свои гостинцы на столъ, соберетъ насъ дѣтей вокругъ себя—садитесь, садитесь, сиротки, и обдѣлитъ насъ булками и конфектами. Мы сначала побаивались о. діакона, а потомъ полюбили и съ радостію встрѣчали его. Посидитъ онъ у насъ, иногда и долго. Предъ уходомъ опять помолится. Домъ нашъ стоялъ на углу улицы. Мы наблюдали, что когда о. діаконъ проходитъ мимо нашего дома, то возьметъ что-нибудь съ земли и все показываетъ на домъ, какъ бы отъ чего-то ограждаетъ его.

Петропавловскій діаконъ весь превращался въ нѣжность, когда подводили къ нему дѣтей. Онъ крестилъ ихъ, ласково гладилъ по головѣ (Пантелѣевъ). Дѣйствительно съ дѣтьми онъ имѣлъ

много общаго: открытость, простоту, незлобіе. Онъ не могъ смотрѣть на нихъ безъ умиленія, радостный онъ дарилъ имъ булки, гостинцы. Иногда испорченныя дѣти наносили о. діакону немало обидъ и оскорбленій, гонялись за нимъ съ комьями грязи и камешками, то по неблаговоспитанности, то по подстрекательству взрослыхъ, считавшихъ о. діакона сумасшедшимъ и непонимавшихъ истиннаго смысла его жизни и дѣйствій. Рабъ Божій къ обидамъ относился совершенно равнодушно, онъ былъ точно мертвый, потому что смирилъ себя, зная, что смиреніе вѣрный путь къ очищенію сердца, а чистыхъ сердцемъ убажжаетъ Господь, обѣщая, что они Бога узрятъ. О. діакона нерѣдко окружали еще нищіе.—На, отецъ діаконъ, возми пирогъ, покушай, предлагала ему добрая женщина.—Не хочу.—Однако взялъ и ушелъ. Смотрятъ, попадается діакону какой-то нищій, ему въ руки и сунулъ онъ пирогъ. Нищіе толпой бросались въ ту сторону, гдѣ видѣли фигуру спѣшно идущаго о. діакона, готоваго усладить хотя сколько-нибудь судьбу собирающей милостыню братіи черезъ подарки его добрыхъ почитателей. О. діаконъ прекрасно понималъ, что самый бѣдный не тотъ, который протягиваетъ руку за копѣйкой, но тотъ, кто, живя въ ужасной обстановкѣ, не можетъ просить подаяній. Ему извѣстны были чердаки, гдѣ царила воніющая бѣдность. Туда старецъ спѣшилъ съ помощію, для такихъ онъ вопреки

обыкновенію даже просилъ денегъ у благодѣтелей, иногда по нѣскольکو рублей. И сколькихъ должно быть, подобно св. Николаю Милостивцу, спасъ онъ отъ разврата черезъ благовременную помощь! Кстати сказать, онъ болѣлъ душой за тѣхъ, которые помрачали свое нравственное чувство удовольствіемъ низшихъ влеченій своей плоти. Нерѣдко видали его около веселыхъ домовъ умоляющимъ входящихъ туда оставить свое намѣреніе. Бывало, что за добрый совѣтъ ему платили руганью и побоями.

Вѣря, что деньги будутъ унесены туда, гдѣ онъ нуженъ до крайности, добрые люди охотно давали ему свои лепты. Юродивый любилъ дарить св. иконы, при этомъ замѣчали дивное. Попадается однажды Петропавловскій діаконъ матери купеческой жены К—вой и вручаетъ ей икону Николая Чудотворца со словами: „возьми, мати, да только смотри, не наряжай“ (т. е. не дѣлай на икону дорогой ризы). Родители подаренной иконой благословили сына.

Сынъ пилъ вино. Бывали такіе ужасные моменты, что организмъ требовалъ водки, а денегъ не было, и пьяница рѣшался идти продавать икону—родительское благословеніе. Но безъ ризы она не имѣла цѣны: никто ее не покупалъ. Такъ благословеніе матери и сохранилось у жалкаго сына.

Самъ себѣ о. діаконъ не угождалъ. Что ему надо было? До конца жизни юродивый обиталъ

въ своемъ маленькомъ, низенькомъ, съ окнами вросшими въ землю, домикъ, находившемся за городомъ, за тюрьмой по направленію къ дер. Кобылину. Приобрѣтенія для о. діакона не имѣли никакого смысла. Онъ явилъ себя настоящимъ безсребренникомъ.

Не затемненныя пристрастіемъ къ земнымъ годамъ, не засоренныя самолюбіемъ, злобой духовныя очи его не только видѣли ближайшее, но проникали въ даль, въ глубины сердца людей.

Уже изъ предыдущаго можно видѣть присутствіе въ старцѣ дара прозорливости. Случаевъ, въ которыхъ ясно открывался смыслъ дѣйствій юродиваго и вполне исполнялись когда-то сказанныя имъ слова въ жизни разныхъ лицъ—его знакомыхъ такъ много, что перечислить эти факты, собрать ихъ нѣтъ никакой возможности. Мы пользуемся достовѣрными сообщеніями небольшой группы извѣстныхъ намъ лицъ.

Писатель Александръ Васильевичъ Кругловъ въ своемъ сочиненіи: „На нивѣ жизни“ (Приход. жизнь 1901 г. 495—499) рассказываетъ слѣдующее:

У одной женщины, жившей на набережной, въ своемъ маленькомъ дряхломъ домишкѣ, собрались гости по случаю дня рожденія хозяйки. Стояли июльскіе жары. Гости сидѣли и пили чай. Вдругъ вбѣгаетъ въ комнату діаконъ Петропавловскій

— А, гости, гости, говорилъ онъ: ну и я при-

шелъ къ тебѣ въ гости, угощай, угощай... что у тебя есть-то?

Хозяйка очень уважала „божьяго человѣка“ и потому сильно обрадовалась его приходу. Она за-суетилась угощая діакона и чаемъ и пирогомъ; предложила и наливки.

— А и выпью, выпью, ты думаешь, не выпью? А выпью, я вѣдь люблю выпить, ой какъ люблю!..

Онъ захохоталъ, принимая рюмку изъ рукъ хозяйки.

— Кушайте во здравіе, батюшка, отъ души про-молвила женщина.

Но діаконъ вдругъ словно чего испугался и вы-ливъ вино, на стѣну, воскликнулъ:

— Ай жарко же, ой какъ жарко!

Онъ даже закрылъ лицо руками. Всѣ были изу-млены словами юродиваго и, не понимая ихъ смы-сла, молча глядѣли на него.

А онъ постоялъ такъ съ закрытымъ лицомъ и обратился къ хозяйкѣ: а поди, хотѣла бы, чтобы я тебѣ подарочекъ даль?

Хозяйка отвѣтила ему:

— Батюшка, какой мнѣ отъ тебя подарокъ, и то подарокъ, что пришелъ ко мнѣ въ такой день... за это благодарю.

— А я тебѣ все таки подарю, подарю... и зна-ешь, что подарю?

Женщина молчала.— Ты вотъ меня угостила, а

я не подарю? Какъ можно... Я тебѣ домъ подарю маленькій, а все же домъ.

— Батюшка, это какъ же такъ; значить помру скоро? спросила женщина, понимая подъ словомъ: маленькій домъ—гробъ.

— Поживешь, поживешь, отвѣтилъ діаконъ,—я тебѣ вотъ этотъ домъ подарю, въ которомъ ты живешь.

Женщина подумала: „этотъ домъ и такъ мой: зачѣмъ его еще мнѣ дарить? Но она не посмѣла сказать этого діакону, а поклонилась и промолвила:

— Благодарю на подаркѣ батюшка.

Діаконъ засмѣялся и сказалъ: за твою доброту ко мнѣ дарю... а ты не думай, что если твой, такъ и дарить нечего.

Онъ вынулъ двѣ копѣйки, бросилъ ихъ на столъ и выбѣжалъ изъ комнаты. Что это значило? говорили гости. Никто не могъ пояснить, путаясь въ догадкахъ. Первая же ночь все объяснила: въ 12-ть часовъ ночи въ порядкѣ, гдѣ стоялъ домъ женщины, произошелъ пожаръ, истребившій кряду 20-ть домовъ, но дряхлый домишка бѣдной попечительницы юродиваго остался цѣлъ, хотя на него пожарные меньше всего обращали вниманія, занятые спасеніемъ домовъ богачей.

Юродивый дѣйствительно подарилъ женщинѣ домъ, который хотя и былъ ея, но котораго она могла лишиться и навѣрное бы лишилась.

Вотъ еще два факта, которые говорятъ о прозорливости о. діакона. Это уже случилось со мною.

И шелъ съ товарищемъ—гимназистомъ куда-то. Намъ попался на встрѣчу діаконъ. Товарищъ издалека увидѣлъ юродиваго и сказалъ мнѣ:

— Вотъ и сумасшедшій святоша бѣжитъ.

— Почему ты такъ его называешь? спросилъ я.

— А что же: не святой ли по твоему? Ахъ, ты кумушка—голубушка!

Я еще не успѣлъ ничего отвѣтить товарищу, какъ діаконъ былъ уже предъ нами. Онъ снялъ шляпу, поклонился низко мнѣ и сказалъ:

— Поздравляю, поздравляю съ царскою милостью: тебѣ радость, и матери помощь.

Я удивленно посмотрѣвъ на юродиваго.

— Не понимаю я васъ, сказалъ я.

— И я не понимаю, отвѣтилъ діаконъ:—намъ дурачкамъ и кумушкамъ гдѣ же понять... спроси у него умника (діаконъ ткнулъ пальцемъ на товарища), онъ все объяснитъ, а ты помолись за него, когда онъ во тьму сядетъ.

Съ этими словами онъ побѣжалъ отъ насъ, помахивая по обыкновенію обоими руками.

Я былъ озадаченъ словами діакона, хотя и не понялъ ихъ. Меня удивило одно: онъ повторилъ слова товарища: дурачекъ и кумушка. Какъ онъ могъ это узнать? За тѣмъ: онъ, очевидно, въ насмѣшку назвалъ товарища умникомъ. Но какая царская милость мнѣ? Въ какую тьму сядетъ то-

варищъ? Не знаю, какъ подѣйствовали слова діакона на товарища, но онъ не желалъ обнаружить своего смущенія и повторилъ рѣзко:

— И воистину сумасшедшій... что нагородилъ „Царская милость“...—Это скоро же объяснилось: черезъ мѣсяць я получилъ казенную стипендію, которая была, конечно, моей матушкѣ помощью. Понялъ я потомъ и предсказаніе относительно товарища, но уже много лѣтъ спустя: онъ сначала ослѣпъ, а затѣмъ сошелъ съ ума.

Прошло два года. Дѣло было передъ экзаменами. Я сильно боялся математики, въ которой всегда мало успѣвалъ. Рано утромъ шелъ я въ гимназію со страхомъ и трепетомъ. У Краснаго моста попадается мнѣ юродивый діаконъ.

— Богъ въ помощь! проговорилъ онъ:—не бойся холода, не бойся... надѣнь штаны теплые, и хорошо будетъ... И лихорадка пройдетъ. Я не понималъ совѣта, но помня прошлое, рѣшилъ, что это не просто на вѣтеръ кинутое слово, а что-нибудь да означаетъ. Между тѣмъ діаконъ убѣждалъ. Придя въ гимназію, я передалъ слова діакона пріятелю П. Кри—ову.

— Знаешь, что это значитъ? сказалъ пріятель вѣрившій въ праведность діакона.

— Не знаю. А ты какъ думаешь?

— Можетъ быть, я ошибаюсь, но должно быть тебя спросятъ Пифагорову теорему, что мы зовемъ пифагоровыми штанами. Мнѣ показалось такое

объясненіе невѣроятнымъ: откуда юродивый это знаетъ и будетъ ли повторять наши шутки? Однако, я просмотрѣлъ хорошенько эту теорему. И что же: пріятель оказался правъ въ своемъ объясненіи. Меня спросили именно ту теорему. Я отвѣтилъ хорошо и получилъ переводный баллъ.

Разкажу еще одинъ фактъ, слышанный мною отъ покойнаго учителя и друга М. М. К—на.

У одной старухи былъ огородъ. Имъ она только и жила; сама кормилась и двухъ внучекъ содержала: Какъ то разъ сидитъ она въ огородѣ и раздумываетъ: какъ все Богъ уродитъ? И вотъ въ огородъ приближается юродивый діаконъ.

— Что пригорюнилась? говоритъ онъ:—нечего кручиниться надо капусту спасать.

— Отъ кого, батюшка?

— Отъ враговъ, отъ губителей...

— Да какъ спасать то? и что за враги?

Діаконъ началъ бѣгать по бороздамъ и плевать на гряды.

— Батюшка, да что же ты дѣлаешь это?—обиженно воскликнула старуха: я трудилась, трудилась, а ты на-ка, всю капусту мою заплевалъ.

— Враговъ надо прогнать, вонъ ихъ сколько!

И онъ опять началъ плевать на гряды.

Тогда старуха осердилась и прогнала юродиваго изъ огорода.

— Ишь, что выдумалъ, говорила она:—началъ мою капусту оплевывать, а еще говорятъ: правед-

никъ! хорошъ—праведникъ: просто блаженный какой то! И что же появился червь на огородахъ, который всѣ овощи поѣлъ. У старухи погибла вся капуста, исключая только тѣхъ грядъ, которыя оплевалъ діаконъ: на тѣхъ не было червя и на нихъ капуста уродилась на диво.

Поняла теперь все старуха, да было уже поздно.

— Если бы тогда я догадалась, грѣшная дура, такъ не то, чтобы гнать стала Божьяго человѣка, а просила бы его: хоть на меня плюй, да сохрани капусту. Надъ старухой смѣялись. А она послѣ этого стала большой почитательницей діакона.

Л. Пантелѣевъ въ своихъ „Раннихъ воспомина- нійхъ“ пишетъ о Петропавловскомъ діаконѣ: онъ не ходилъ въ рубищахъ, не произносилъ грозныхъ рѣчей о грѣхахъ міра сего, не творилъ чудесъ, не исцѣлялъ больныхъ. Его слава держалась на томъ, что онъ прозорливецъ и эту славу онъ сохранилъ до конца дней своихъ...

Случились у матушки тяжелыя недѣли, что никакого заработка; тогда хлѣбъ да горячая вода съ солью нерѣдко замѣняли наше обычное меню. Но вотъ матушка приходитъ съ рынка въ замѣтно приподнятомъ настроеніи. Она встрѣтила въ рядахъ Петропавловскаго діакона:

— И самъ вѣдь меня остановилъ, далъ вотъ эту просвирку, да и говоритъ: трудишься, вдовица? Трудись, Богъ любитъ трудъ и сторицею воздастъ за него. И вспоминаются эти слова матушкѣ, ког-

да почему-нибудь через нѣсколько дней дѣла ея поправились...

Калачникъ неудачно простоялъ на рынкѣ: ничего почти не продалъ и съ огорченія хотѣлъ ужъ завернуть въ трактиръ, о. діаконъ какъ разъ ему дорогу переходить.

— Отецъ діаконъ, мое почтеніе!—спѣшитъ проговорить калачникъ. А тотъ ему въ отвѣтъ: вездѣ благодать Божія, вездѣ Его попеченіе о трудящихся и обремененныхъ.

— Хорошо сказано,— подумалъ калачникъ и вмѣсто трактира направился домой и въ этотъ же вечеръ наловилъ почти полное ведро рыбы.— Прозорливецъ, одно слово; непременно, какъ попадетъ, на свѣчку ему подамъ: „угодный Богу человѣкъ“—говорилъ послѣ этого калачникъ.

Одинъ торговецъ, человѣкъ хорошій и степенный, вдругъ ни съ того ни съ сего затосковалъ, началъ пить и въ короткое время спустилъ весь товаръ, а потомъ сталъ попрошайничать. Словомъ совсѣмъ опустился человѣкъ. Жена его, потерявъ голову и испробовавъ всѣ способы помочь горю, осаждала отца діакона просьбами помолиться за ея мужа.

— Молись,^о—отвѣчалъ о. діаконъ,—молись въ храмъ Божию, молись^о на распутьи, но мѣра взысканья Господня еще не исполнилась.

Бѣдная женщина еще пуще загоревала. Что значать эти слова и ужъ не ждать ли ей чего-нибудь еще худшаго? Между тѣмъ мужъ ея вдругъ

Исчезъ изъ города, и ни слуху, ни духу о немъ не было. Стали думать, не ушелъ ли онъ къ старовѣрамъ, въ какой-нибудь дальній скитъ. „А ужъ если туда махнулъ, такъ это все равно, что въ камскій мохъ провалился: оттуда люди не возвращаются домой.“

Прошло болѣе двухъ лѣтъ. Жена выплакала всѣ слезы и ужъ не знала, молиться ли ей о здравіи или за упокой раба Божія Петра. Но вотъ разъ она встрѣчаетъ отца діакона.

— Взглянулъ на меня таково ласково, да и проговорилъ:—угодна Богу сердца сокрушеннаго молитва и въ раны его влагаетъ Онъ Свой перстъ животворящій.—А потомъ вынулъ изъ платочка просвирку и даетъ мнѣ—здравная часть вынута изъ нея за раба Божія Петра. И сдѣлалось мнѣ какъ-то легко. Значить, живъ еще мой Петръ Семеновичъ, если прозорливецъ за здравіе его молится. Было это вскорѣ послѣ Ильина дня, не выходятъ у меня изъ головы слова отца діакона, и просвирку его берегу, поставила ее къ образамъ. Вотъ въ Успеневъ день встала я рано, тороплюсь до начала поздней обѣдни все упредить. Только что я успѣла пирогъ вынуть изъ печи, какъ въ соборѣ ударили къ обѣднѣ. Стала я одѣваться, вдругъ, слышу, кто-то вошелъ въ кухню. Оглянулась я, да ужъ и сама не знаю, какъ у меня ноги не подкосились: вижу: Петръ Семеновичъ крестится на икону... (Русскія Вѣд.).

Ранѣе приведенъ былъ разсказъ Г. С. Гр—вой о рожденіи ея сына послѣ 12 лѣтняго замужества. О. діаконъ, помолившійся о дарованіи дѣтей благочестивой женщинѣ, предсказалъ и смерть малюткѣ. Послѣдняго онъ очень любилъ. Являясь въ домъ Гр—выхъ, онъ бралъ на руки, ласкалъ. Разъ пришелъ онъ и увидѣлъ, что у мальчика новая няня. По обыкновенію онъ взялъ малютку къ себѣ на руки, перекрестилъ его и спросилъ у окружающихъ: гдѣ же прежняя нянька?

Ему отвѣтили, что она ушла домой.

— Не долго не дожила-то, бросилъ онъ въ сторону. Черезъ недѣлю мальчикъ, будучи 9 мѣсяцевъ, умеръ.

— И роднымъ моимъ, прибавляетъ Гр—ва, о. діаконъ говорилъ, что мальчикъ не заживетъ, хотя видъ малютки не подавалъ къ такому заключенію никакихъ поводовъ.

Купеческая жена Ко—ва передаетъ много случаевъ прозорливости старца.

Когда она была еще дѣвицей, о. діаконъ часто посѣщалъ домъ ея матери вдовы, гдѣ его всегда встрѣчали съ большимъ радушіемъ.

Мѣсяца за два до выхода моего въ замужество въ нашъ домъ вдругъ приносятъ два прикащика деревянный диванъ; за ними слѣдомъ идетъ о. діаконъ.

— Мати, пусти меня, я отдохну здѣсь, не много и мѣста то мнѣ надо.

Послѣ того онъ сталъ ходить къ намъ каждый день. Придетъ и вичкой (прутикомъ) все мѣряетъ диванъ и говоритъ задумчиво:

— „Никакъ не приходится, какъ ни помѣряю. Меня тогда засватали, но дѣло что-то не клеилось. Однажды отецъ діаконъ является къ намъ въ сопровожденіи двухъ прикащиковъ изъ мучной лавки.

— Несите диванъ, распорядился діаконъ. На наше же недоумѣніе отвѣчалъ:

— Не тоскуй, мати, въ кучеческій домъ пойдеть. Скоро я вышла замужъ за торговца мучными товарами.

Во время холеры, рассказываетъ таже Ко—ва, раннимъ утромъ подошелъ о. діаконъ къ нашему дому, взялъ съ земли камешокъ и зарылъ его подъ тумбочку. Въ верхнемъ этажѣ дома тогда жилъ портной-арендаторъ дома, который, войдя въ довѣріе одного изъ главныхъ наслѣдниковъ, притѣснялъ мою мать—вдову. О. діаконъ всталъ подъ окномъ верхняго этажа и поколачиваетъ палочкой: „шей, голубчикъ, завтра некогда будетъ; да надо, голубчикъ, жить-то по Божески, набѣжить погодка-то сверху, да и свернетъ...

Къ вечеру неожиданно заболѣлъ одинъ изъ мастеровыхъ; портному, который принужденъ былъ возиться съ больнымъ, на другой день дѣйствительно некогда было шить. Исполнились слова Петропавловскаго діакона и о погодѣ. Скоро умеръ главный наслѣдникъ дома, половина его по завѣ-

щанью перешла въ церковь. „Портного страхнули сверху.“

Отъ арендаторовъ моя мать, скромная женщина, вынесла не мало горя въ жизни. Одинъ арендаторъ попалъ такой, что не хотѣлъ исполнить данныхъ имъ условій—поправить домъ. Полы испортились, домъ пришелъ въ упадокъ. Чтобы выжить недобросовѣстнаго арендатора, мать моя нѣсколько разъ обращалась къ архитектору; просила его освидѣтельствовать домъ. Тщетны были ея просьбы. Приходить разъ къ матери о. діаконъ и приводить съ собой большую собаку.

— Смотри, мати, обращается онъ къ моей матери: вотъ дашь кусокъ собакѣ и идетъ за мной, а не дашь облаетъ. Въ рукѣ о. діакона находился кусокъ булки. Говоритъ онъ эти слова, а самъ по-сматриваетъ то на мать, то на кусокъ.

— Надо, видно, дать архитектору-то, сообразила вдова. Было у нея три рубля, снесла ихъ и архитекторъ пріѣхалъ вслѣдъ за просительницей.

Въ молодости мать моя была крѣпостная, ее выкупила на волю тетка и держала у себя въ услуженіи. Тетка занималась приготовленіемъ можжевельнаго квасу (напитокъ тогда распространенный) и торговала имъ. Молодой дѣвушкѣ племянницѣ тяжело жилось. Трудовъ было много, да и обращеніе тетки—совсѣмъ неродственное. Видѣлъ это отецъ діаконъ. Разъ приходитъ онъ и говоритъ теткѣ:—Опрося, Опрося, (ее звали Ефросиніей) по-

ра худыя дѣла бросить, пора Богу молиться. Поидемъ-ка на улицу, позвалъ онъ ее.—Посмотри на востокъ-то—свѣтъ, а найдетъ темное облачко, свѣтъ-то и загородить. Пора бросить грѣховныя дѣла. Черезъ недѣлю тетка умерла.

Когда умерла игуменія Вологодскаго монастыря Севастіана, то монахини выбрали на ея мѣсто мать Теофанію (княжну Шехонскую). Оставалось дѣло только за утвержденіемъ выбора бывшимъ тогда Преосвященнымъ Палладіемъ. Въ это время о. діаконъ прибѣгаетъ въ монастырь и спрашиваетъ выбрали ли игуменью? Ему отвѣтили, что выбрали княжну. „Княжну, княжну!“ говоритъ о. діаконъ. „Нѣтъ княжна-то больно нѣжна,—не быть ей игуменьею. “И что же? Преосвященный Палладій не утвердилъ выбора, вѣроятно принимая во вниманіе слабое здоровье княжны. При этомъ о. діаконъ прибавилъ, что игуменьею будетъ та, которая повыше. И дѣйствительно слѣдующая игуменія Арсенія была гораздо выше ростомъ м. Теофаніи.

Отецъ покойной м. Теофаніи князь Шехонскій предъ своею смертью задумалъ удалиться на Афонъ и, собираясь туда, пріѣхалъ въ Вологду проститься съ дочерью. Какъ ни горько было м. Теофаніи разставаться съ отцомъ безъ надежды когда либо его увидеть, но она не рѣшилась отговоривать его отъ добраго намѣренія. Съ горечью дочь проводила отца изъ Вологды. Черезъ нѣсколько времени

послѣ того прибѣгаетъ о. діаконъ къ м. Теофаніи и спрашиваетъ ее, какъ она живетъ? Монахиня объясняетъ, что очень груститъ, ибо отецъ ея уѣхалъ навсегда на Аѳонъ. „На Аѳонъ, на Аѳонъ,“ какъ бы насмѣшливо замѣчаетъ о. діаконъ, „вонъ ему фонъ-то“ и показалъ рукою на Горбачевское кладбище. Оказывается въ тотъ же день м. Теофанія получила изъ Троицкой Лавры телеграмму о смерти отца въ Лаврѣ.

Мать Теофанія очень скучала, не получая никакого извѣстія отъ родного своего брата. Прибѣгаетъ о. діаконъ въ келлію, беретъ щепку, кладетъ ее себѣ на глаза и поетъ: „Святый Боже.“ Затѣмъ онъ убѣждалъ, а княжна въ тотъ же день получила телеграмму о смерти брата.

Не задолго до смерти о. діаконъ придя къ м. Теофаніи (княжнѣ), сталъ просить ее пріѣхать къ нему на квартиру. И хотя м. Теофанія возражала ему, что монахини по гостямъ не ѣздятъ, и, наконецъ, что она незнакома съ его женой—о. діаконъ продолжалъ настаивать на исполненіи его просьбы, присовокупляя, чтобы княжна взяла бы съ собою о. Алексія. (Какого—діаконъ не объяснилъ). Когда разнеслась вѣсть о смерти о. діакона, м. Теофанія вознамѣрилась побывать у покойнаго на квартирѣ, чтобы присутствовать на панихидѣ. Но когда она пріѣхала туда, общая панихида была уже отпѣта и въ комнатѣ діакона оставался лишь неизвѣстный для княжны священникъ или діа-

конъ. На выраженное м. Теофаніею сожалѣніе, что она не застала панихиды, домашніе о. діакона сказали, что панихиду можетъ отпѣть о. Алексій. Это былъ священникъ Ильинской церкви о. Алексій Преображенскій, котораго до сего времени княжна никогда не видала, и который оставался одинъ у покойника послѣ совершенія общей панихиды. Такъ исполнилась просьба о. діакона, чтобы княжна была у него вмѣстѣ съ о. Алексіемъ.

Въ жизни монахини Успенскаго монастыря Назареты былъ такой случай:

Однажды о. діаконъ пришелъ къ ней съ толстой палкой. Посидѣлъ, поговорилъ. Простившись, онъ пошелъ, оставивъ палку въ углу келліи. Предполагая, что о. діаконъ забылъ ее, монахиня закричала ему въ слѣдъ.

— О. діаконъ, палку-то оставилъ.

— А вотъ тебѣ пригодится, отвѣтилъ онъ и торпливо удалился.

Дѣйствительно, палка монахинѣ скоро понадобилась; у нея заболѣли ноги, и она могла ходить по келліи, только опираясь на палку.

Нынѣ здравствующей монахинѣ З—ви Петропавловскій діаконъ предсказалъ поступленіе въ Успенскій монастырь.

Родители мои жили въ подгородней деревнѣ, приписанной къ Гаврило-Архангельской г. Вологды церкви, находящейся вблизи женскаго монастыря. Отъ юности я не чувствовала влеченія къ

мірской жизни, къ дому. Когда мнѣ было лѣтъ 20, сговорились мы нѣсколько дѣвиць сходить къ Кіевскимъ Угодникамъ. Раннимъ утромъ отправились мы изъ деревни. Вдругъ откуда ни возьмись о. діаконъ. Подбѣгаетъ ко мнѣ и спрашиваетъ: куда собрались?

— Въ Кіевъ помолиться, отвѣчала я.

— Доброе, великое дѣло, похвалилъ онъ наше памѣреніе. Счастливаго пути, повторилъ онъ нѣсколько разъ.

Сходили мы въ Кіевъ благополучно. Паломничество укрѣпило во мнѣ желаніе поступить въ монастырь, чтобы пожить тамъ Бога ради. Мать и желала бы отпустить меня, да и дома я ей была нужна. Не знала мать, на что рѣшиться. Идетъ она разъ изъ города, видитъ у церкви Гавріила-Архангела—очень усердно молится Петропавловскій діаконъ. Слышала она много разказовъ о живущемъ въ немъ дарѣ прозрѣнія. Спросить бы, что дѣлать съ дочерью, подумала мать, но оробѣла, не смѣла подойти къ о. діакону и остановившись издали смотрѣла на него. Вдругъ о. діаконъ повернулся лицомъ къ монастырю и сталъ молиться на его храмы. На улицѣ въ то время лежало нѣсколько кучъ съ камнями, привезенными для поправки дороги. Вдругъ отецъ діаконъ схватилъ одинъ камешокъ изъ кучи, находящейся у крыльца Гаврило-Архангельскаго храма и бросилъ его въ кучу по направленію къ монастырю; потомъ

перекрестился и на преп. Сергія (монастырскій храмъ), взглянулъ на мать и убѣждалъ.

Мать проразумѣла, что надо отдать дочь въ монастырскую кучу, въ число сестеръ. И я живу въ обители давно и благодарю Бога за Его милости, закончила монахиня свой рассказъ. Жили въ Вологдѣ двѣ сестры — старыя дѣвицы Флена и Екатерина Николаевна Садоковы; онѣ имѣли свой домъ напротивъ женской гимназіи. Одна очень уважала о. діакона (Флена), а другая (Екатерина) считала его безумнымъ или притворщикомъ. Была половина мая. Въ гимназіи шли экзамены и гимназистки толпились около оконъ. Въ это время Садоковы пили чай у открытаго окна: Флена Николаевна у самага окна, а Екатерина Николаевна — въ глубинѣ комнаты. Вдругъ мимо гимназіи по гимназическому тротуару бѣжитъ о. діаконъ и раскланивается съ гимназистками. Видя это, Екатерина Николаевна тихонько и говоритъ сестрѣ: „ишь чертова-то кукла бѣжитъ и съ барышнями раскланивается.“ Флена Николаевна начинаетъ упрекать сестру за такое выраженіе о духовномъ лицѣ, ею уважаемомъ. Въ это время о. діаконъ быстро прошелъ по гимназическому тротуару, потомъ перебѣжалъ на Садоковскій тротуаръ и, остановившись предъ открытымъ окномъ Садоковыхъ, раскланивается съ Екатериной Николаевной и говоритъ: „здравствуй, чертова кукла! какъ живешь?“ Та такъ и застыла отъ діаконскаго привѣтствія. И

съ тѣхъ поръ уже никогда ни отзывалась худо объ о. діаконѣ.

Бывшій окружной надзиратель 2-го Округа Акцизн. сборовъ — Александръ Ивановичъ Дилакторскій рассказывалъ такой случай. Какъ-то зимой во время сильныхъ морозовъ Дилакторскій пріѣхалъ въ Вологду. Идетъ онъ по Зосимовскому крюку и, не смотря на то, что на немъ была теплая шуба, сильно зябнетъ. И видитъ онъ: далеко впереди въ своемъ холодномъ балахончикѣ бѣжитъ о. діаконъ. „Вотъ, подумалъ Дилакторскій, святые-то люди какъ бѣгаютъ, и въ холодной одеждѣ ихъ морозъ не беретъ, не то, что мы грѣшные въ теплыхъ шубахъ мерзнемъ.“ Вдругъ о. діаконъ быстро оборачивается назадъ, подбѣгаетъ къ нему, ударяетъ по плечу и говоритъ: „ну, кто тебѣ сказалъ, что я святой, нукакой я святой?“ и затѣмъ быстро удаляется. Дилакторскій просто остолбенѣлъ отъ прозорливости о. діакона.

Къ помощнику Акцизнаго надзирателя А. И. Орфаницкому въ бытность его въ Вологдѣ иногда забѣгалъ о. діаконъ. Разъ приходитъ и проситъ у Орфаницкаго 10 рублей. У того только оставалось тогда десять рублей, на которыя тотчасъ же въ лавкѣ надо было сдѣлать закупки. Естественно, что онъ отказался дать о. діакону требуемые 10 рублей. На отказъ о. діаконъ только и вымолвилъ: „напрасно не даешь, потомъ пожалѣешь“ и съ этими словами ушелъ, а Орфаницкій взялъ по-

слѣдніе 10 рублей, пошелъ за покупками, но дорогой потерялъ свои деньги.

Бывшій ревизоръ Контрольной Палаты В. И. Р—въ рассказываетъ такой случай прозорливости о. діакона. Разъ бывшій въ то время управляющимъ Контрольной Палаты А. М. Б—въ зашелъ къ Р—ву и пригласилъ его погулять. Р. взялъ съ собой 20 коп., чтобы на пути купить табаку. Идутъ они по набережной на встрѣчу бѣжить о. діаконъ, останавливается предъ Реньевымъ и просить дать ему двугривенный, А. М. Б—въ, имѣвшій при себѣ полный кошелекъ денегъ, спѣшитъ вынуть деньги и вручить о. діакону, но тотъ категорически заявляетъ, что онъ просить не у него Б—ва, но у Р—ва и не взялъ у Б—ва деньги. Пришлось Р—ву вынимать угаданный о. діакономъ двугривенный и отдать ему.

Вологодская женщина Парасковья Михайловна Дружинина съ своею знакомою шла въ Духовъ монастырь. Встрѣчается имъ о. діаконъ и просить у знакомой денегъ. Та вынула какую-то мелочь и подала. О. діаконъ, схвативъ деньги, побѣжалъ дальше. П. М. Дружинина и говоритъ своей знакомой:

— „Вотъ у меня о. діаконъ никогда не попроситъ ни копѣйки.“ Послѣ этого разговора прошло нѣсколько времени. Парасковья Михайловна идетъ откуда-то домой. Встрѣчается ей о. діаконъ и просить у нея копѣйку. У Парасковьи М—ны въ то

время не было ни одной копѣйки въ карманѣ и ей пришлось отказать уважаемому человѣку. „Еще жалуешься, что у тебя Петропавловскій діаконъ и копѣйки не попросить, а попросилъ и подать нечего“, проговорилъ о. діаконъ и побѣжалъ. дальше. Таже П. М. Дружинина со своею покойною сестрою Анною М—ю разъ собралась пить чай. Гостей у нихъ никого не было. Вотъ мы будемъ сегодня однѣ пить чай. Хоть бы Петропавловскій діаконъ пришелъ, говоритъ одна сестра другой.

Вдругъ кто-то постучалъ въ дверь. Парасковья Михайловна отворяетъ и видитъ: о. діаконъ пришелъ и заявляетъ, что онъ пришелъ къ нимъ чай пить.

Жена бывшаго воинскаго начальника Генерала Т—ва въ первый разъ видѣла о. діакона во снѣ въ Могилевѣ, когда ни о Вологдѣ, ни тѣмъ болѣе о, діаконѣ она не имѣла никакого понятія. Во снѣ ей представилось, что она сидитъ въ какомъ-то саду, на скамейкѣ, на берегу рѣки. Подходитъ къ ней сѣдой старецъ и благословляетъ ее. Въ этотъ моментъ Т—ва проснулась. Вѣщій сонъ сначала хранился въ памяти, а потомъ сталъ забываться. Т—вы переѣхали въ Вологду. Разъ Т—ва прогуливалась съ покойной Н. Н. Ро—вой по соборной горѣ и сѣли отдохнуть на одну изъ скамеекъ. Вдругъ бѣжитъ о. діаконъ и останавливается предъ Т—вой, снимаетъ шляпу, кланяется и креститъ. Т—ва изумилась. Лицо старца было ей зна-

комо. Она сразу припомнила видѣнный ею въ Могилевѣ сонъ, такъ ярко повторившійся въ дѣйствительности.

Петропавловскаго о. діакона, передаетъ дворянка А. Ф. П—ва, очень почиталъ мой мужъ А. А—чь. Въ его жизни не мало было случаевъ, предсказанныхъ юродивымъ. Особенно замѣчательнъ такой.

За два года до нашей свадьбы мужъ мой заболѣлъ и доктора приговорили его едва ли не къ смерти, да и дѣйствительно, онъ былъ настолько слабъ, что не могъ встать съ постели. Приходить навѣстить его о. діаконъ и говорить: „вставай, А—ей, будетъ лежать-то?“

Тотъ отвѣчаетъ: радъ бы, но слабъ, не могу.

— Полно, будешь ходить, дай мнѣ вотъ твои сапоги. Прислуга подала старцу сапоги и на второй же день послѣ этого мужъ поднялся съ постели и сталъ быстро поправляться.

Я была знакома съ о. діакономъ не долго.

Въ первый разъ я увидала его дня черезъ три послѣ моей свадьбы. Это было въ іюлѣ 1871 года. Старецъ любилъ моего мужа и пришелъ насъ поздравить. Поговоривъ съ нами, онъ вдругъ обратился къ моей 9 лѣтней племянницѣ со словами: скажи отъ меня поклонъ твоей бабушкѣ. Но дѣвочка даже и не знала бабушки, такъ какъ она очень давно умерла. Потомъ о. діаконъ обратился съ просьбой къ моей сестрѣ, матери той дѣвочки:

— Дай мнѣ, мати, носовой платочекъ. И когда я хотѣла было предложить свой, онъ отказался:

— Я хочу взять отъ нея!

Тогда для насъ это было непонятно. Черезъ 11 мѣсяцевъ послѣ тяжелой болѣзни умерла дѣвочка; тутъ мы поняли поклонъ бабушкѣ и платокъ отъ матери, которая горько оплакивала свою дочь.

Помню еще: мы жили противъ Духова монастыря. Однажды приходитъ къ намъ о. діаконъ что-то шепчетъ; слышно, что молитву, но какую—не разберешь, и все изображаетъ кресты на стѣнѣ напротивъ монастыря. Мы не понимали, что значить. Но какъ только онъ отъ насъ вышелъ, сейчасъ же въ монастырѣ загорѣлась баня, какъ разъ напротивъ, гдѣ онъ оградилъ крестомъ. Насъ Господь сохранилъ.

Дворянка Софія В. Ис—ва рассказываетъ: Въ 1862 году въ Вологдѣ свирѣпствовала тифозная горячка, которой были поражены нерѣдко цѣлыя семьи, причемъ большинство больныхъ умирало. Въ одномъ семействѣ барышня 16—17 лѣтъ лежала на одрѣ болѣзни безъ всякой надежды на выздоровленіе; лѣкарства не только не помогали, а какъ-будто ухудшали болѣзненное состояніе и приближали къ роковой развязкѣ-смерти.

Петропавловскій діаконъ прибѣгаетъ (онъ ходилъ всегда быстро, какъ бы въ припляску) въ домъ, гдѣ жила больная, схватываетъ находившій-

ся на столъ стаканъ съ лѣкарствомъ и бросаетъ его за окошко, обращаясь затѣмъ къ больной съ такими словами: вотъ теперь ты воскресла; хорошо, что не выпила этого лѣкарства, а то бы умерла,—а потомъ быстро убѣгаетъ въ другой домъ—къ родной сестрѣ больной, стучить снаружи въ окно и говорить: „ну, ваша сестра воскресла и сидитъ въ креслахъ.“ Больная черезъ недѣлю стала поправляться и скоро совершенно выздоровѣла.

Еще. Отецъ помянутой больной потомственный дворянинъ, жившій въ Тотмѣ и занимавшій должность Дворянскаго Засѣдателя при Уѣздномъ Съѣздѣ, вышедши на пенсію, переѣхалъ со своей семьей въ Вологду для постоянного жительства. Въ 1866 г. въ августѣ мѣсяцѣ старецъ чувствовалъ себя совершенно здоровымъ, ни на что не жаловался. Но къ удивленію его и его семейныхъ отецъ діаконъ по два дня ходилъ около дома, гдѣ жили они, вырывалъ въ полисадникѣ репейникъ и все кадилъ и кланялся на домъ, а потомъ убѣгалъ, не смотря на усиленные приглашенія навѣстить ихъ. Что же? черезъ 12 дней со старикомъ случился припадокъ, имѣвшій смертельный исходъ.

Нерѣдко Петропавловскій діаконъ предвѣщалъ печаль и несчастія. Недаромъ иные и избѣгали его, опасались выслушать что-нибудь непріятное для себя.

О. діаконъ любилъ бывать въ женскомъ мона-

стырѣ. Помнится, сообщала намъ монахиня А—на, это было въ день посвященія въ санъ игуменіи покойной Арсеніи; къ матушкѣ А—нѣ ризничной, у которой тогда я жила, приходитъ о. діаконъ. У матушки сильно болѣла голова и она стала жаловаться на это своему гостю. О. діаконъ открылъ и показалъ хозяйкѣ нижнюю кость ноги: она была вся въ струпьяхъ.

— О. діаконъ, ногу-то надо „спускомъ“ (спукъ это деревянное масло, въ которое спускается воскъ съ горячей желтой свѣчи), помазать, встревожилась матушка. Тогда болѣзнь-то и пройдетъ.

— Нѣтъ, въ могилу скорѣе спустятъ, а вотъ землицей съ могилы Николая Матѣевича Рынина (извѣстнаго въ Вологдѣ юродиваго) надо полечить сказалъ діаконъ.

Вскорѣ у м. Ал—ны сильно заболѣли ноги.

„Спускъ не помогаль. Были мы съ ней, говоритъ бывшая ея келейница, на могилѣ Николая Матѣевича, пѣли здѣсь панихиду, брали песочку; больная лѣчила имъ ногу и чувствовала облегченіе. Но нажила она не долго; отъ этой болѣзни ее въ могилу спустили.“

Давненько это было, передаетъ благочестивая женщина В. Л. Б—кая. Сидѣлъ о. діаконъ у Павла А—ча Ба—на, торговца; съ нимъ вмѣстѣ въ гостяхъ былъ, теперь покойный, священникъ о. Андрей К—овъ. Гости кушали пирогъ. О. діаконъ быстро поворачивается къ о. Андрею и говоритъ:

— Будеть, батюшка, пироги-то ѣсть, пора бы блины, блины.

Въ скоромъ времени у о. Андрея умерла жена. Нѣкій Ѳеодоръ Пр—шевъ выстроилъ новый домъ и пригласилъ на новоселье о. діакона, котораго онъ очень почиталъ за высокую жизнь. О. діаконъ хвалилъ постройку.

— Хорошій домъ, хорошій, кто-то жить-то будетъ? загадочно прибавилъ онъ.

Прокошевъ померъ, а за нимъ и семейство его какъ то скоро перевелось.

Матери нотаріуса А—ія А. П—ва о. діаконъ за недѣлю предвозвѣстилъ ея кончину. Пришелъ онъ навѣстить больную.

— Скоро, мати, увидишь Царицу Небесную, сказалъ онъ, простился и вышелъ, не затворивъ дверь въ комнату.

Печальныхъ случаевъ онъ предсказалъ множество.

— Разъ попадаетъ онъ на встрѣчу дѣвицѣ—дочери почтоваго чиновника Г—ва и подаетъ ей большую обгорѣлую корку изъ-за пазухи съ словами:—на, возьми, можетъ и пригодится. Дѣйствительно, она по выходѣ замужъ всю жизнь провела въ нуждѣ.

То поставитъ о. діаконъ крестикъ изъ лучинокъ около какого-нибудь дома или начертитъ крестъ углемъ на дверяхъ—умиралъ кто-нибудь.

Броситъ палочки, комочки снѣга во дворъ—скар-

латина похищаетъ дѣтей. Идетъ онъ разъ мимо церкви Всемиловитоваго Спаса и, закрывъ одной рукой лицо, громко повторяетъ: ой жарко, ой жарко. Въ той сторонѣ откуда закрывался о. діаконъ, ночью сгорѣла кузница. Заходитъ на крыльцо церкви Θεодора Стратилата; посмотрѣли послѣ его ухода, нашли два кирпича, подъ ними—лягушка,—вечеромъ вытащили изъ воды утопленника.

Разсказываютъ, что однажды онъ обрилъ себѣ бороду и голову. Не знали: къ чему это? Оказалось—предъ началомъ Крымской войны. Во время холерной эпидеміи онъ осенью не смотря на холодную воду, бросился въ рѣку и выкупался. Болѣзнь стала ослабѣвать.

Интересный случай былъ въ домѣ отца помянутой Г—вой. У него на квартирѣ въ комнаткѣ жилъ почтальонъ. Однажды Петропавловскій діаконъ пришелъ къ Г—вымъ. Его пригласили нить чай.

— Нѣтъ, нѣтъ, отказывался о. діаконъ и направился къ той комнатѣ, гдѣ жилъ квартирантъ. Дома его въ то время не было, уѣхалъ въ Архангельскъ.

— Это что за комната, кто въ ней живетъ? спросилъ юродивый. Ему сказали. Входитъ онъ въ комнату и молится: царство ему небесное, хорошій былъ человѣкъ.

Скоро хозяева узнали, что квартирантъ ихъ, почтальонъ, въ дорогѣ умеръ.

Не разъ юродивый предупреждалъ несчастія, хотя непонятый иногда и не достигалъ своей цѣли.

Въ лѣтніе дни окна въ кваритрѣ А. И. Ц—го на ночь не закрывались, Въ одно утро хозяинъ къ удивленію своему замѣтилъ, что на окнѣ лежатъ камни, онъ сбросилъ ихъ. На другое утро нашелъ тоже.

— Надо послѣдить подумаль Ц—ій.

На слѣдующую ночь онъ долго не спалъ и вдругъ видитъ: подходитъ къ окну Петропавловскій діаконъ и кладетъ на окно камешки.

— Отецъ діаконъ, что это ты дѣлаешь?

— Крѣпче держать надо, крѣпче.

Но хозяинъ не обратилъ вниманія на слова юродиваго. На слѣдующую ночь изъ квартиры Ц—го много имущества было унесено ворами, попавшими въ комнату черезъ раскрытое окно.

У одной подгородней женщины изъ Слободскаго прихода захворалъ ребенокъ. Печальная идетъ она по городу.

— Не плачь о маленькомъ, плачь о большемъ, слышитъ она сзади себя голосъ. Это говорилъ Петропавловскій діаконъ. Ребенокъ остался живъ, а пришла вѣсть, что мужъ, находившійся на заработкахъ, умеръ.

Предвѣщалъ о. діаконъ и радостныя событія.

Разъ сидѣлъ онъ у почитавшей его вдовы Б—ой, жившей у церкви Ильи пророка. У нея въ то время назначенный во священники сынъ уѣхалъ сватать себѣ невѣсту. Хозяйка угощаетъ юродиваго пирогомъ: тотъ, отрѣзавъ краешки пирога, складываетъ ихъ на средину, но не ѣсть.

— Дѣло слажено, говоритъ онъ.

Въ то время женихъ съ невѣстой молились Богу. Нынѣ здравствующему Епископу Константину Самарскому о. діаконъ предсказалъ Архіерейство, когда тотъ учился еще въ 5 классѣ В—й гимназіи. Идетъ онъ изъ гимназіи чрезъ плацъ-парадъ, попадается Петропавловскій діаконъ и, сдѣлавъ руки для принятія благословенія, говоритъ:—благослови, Преосвященный Владыка.

— Я гимназистъ, возражаетъ изумленный.

— Все равно, будешь Архіереемъ.

Такъ и разстались.

О. Архимандриту Заоникіевской пустыни, Серафиму, старецъ предсказалъ о пожертвованіи въ обитель иконы со св. горы Аѳона и радостной встрѣчѣ ея.

— Ты-то встрѣтишь Царицу Небесную, говорилъ онъ отцу Серафиму и запѣлъ съ умиленіемъ: Достояно есть. А мнѣ не видать, съ печалью заключилъ онъ. Дѣйствительно, вскорѣ послѣ смерти о. діакона въ Заоникіевскую пустынь пожертвована была икона Божіей Матери, писанная на Аѳонѣ, и торжественно принесена въ обитель.

Когда я кончила Ярославское духовное училище, передавала намъ жена священника П—ва, о. діаконъ подарилъ мнѣ поясокъ съ изображеніемъ архангеловъ. Мужъ мой служилъ священникомъ у церкви Собора Архангела Михаила.

Разъ мнѣ сильно хотѣлось сходить на концертъ, дававшійся въ дворянскомъ собраніи, рассказываетъ

помянутая А. П. Л—ва, которой поручителемъ считался Петропавловскій діаконъ. Жила я—вдова у бабушки, своихъ денегъ у меня не было, просить не могла. По какимъ-то дѣламъ въ тотъ день ходила я въ городъ.

— Каково, мати, живешь? спросилъ попавшійся мнѣ о. діаконъ.

— Хорошо, отвѣтила я, вотъ на концертъ хочется сходить, да денегъ нѣтъ.—Отъ о. діакона я не привыкла ничего скрывать.

— На, возьми, да не распаковывай смотри до дома, наказывалъ онъ, передавая мнѣ въ руки маленькій свертокъ.

Я думала—деньги и стала отказываться, но отецъ діаконъ настаивалъ, чтобы я взяла подарокъ. Любопытство разбирало, что въ сверточкѣ, но все таки удержалась; распечатала его во дворѣ. Оказалось—много сложенныхъ цвѣтныхъ бумажекъ отъ грошевыхъ конфетъ, а внутри узенькая бумажка-билетикъ со словами: васъ для любви природа создала.

О концертѣ было забыто. Что за смыслъ поступка о. діакона, расказица не можетъ объяснить себѣ.

Мы думаемъ, что прозорливый отецъ діаконъ указалъ ей на будущее: не развлеченія и удовольствія, не матеріальное довольство ожидало ее въ жизни, но заботы о многочисленныхъ дѣтяхъ въ пріютѣ, въ воспитаніе и уходъ за которыми она вложила свое сердце; она полюбила этихъ сирыхъ,

брошенныхъ мальчиковъ, замѣнивъ каждому изъ нихъ родную, добрую мать. И теперь по выходѣ изъ пріюта воспитанники ея съ сильною радостію встрѣчаютъ эту добрую женщину, со слезами вспоминая о ея попеченіяхъ и заботахъ.

Крестьянинъ одной подгородней деревни не любилъ подавать милостыню бѣднымъ и сильно бранилъ своего брата, жившаго вмѣстѣ съ нимъ за его помощь просившимъ подаянія. Однажды онъ сильно поругалъ брата за то, что добрый братъ далъ бѣдняку пятакъ. Случилось вскорѣ послѣ того скупому брату быть въ Вологдѣ съ продажей муки. Къ нему подходитъ о. діаконъ и говоритъ:— ты вѣдь только братними пятачками живешь. Крестьянинъ остолбенѣлъ. О. діаконъ никакъ не могъ знать о ссорѣ его съ братомъ изъ-за пятака.

О. діаконъ, почувствовавъ приближеніе кончины, многимъ открывалъ о томъ. Одному нищему отдалъ свои сапоги.

— На, возьми, мнѣ ихъ болѣе не надо.

У небогатаго горожанина просилъ купить ему домъ.

— Денегъ у меня такихъ нѣтъ, извинялся тотъ въ невозможности при всемъ своемъ желаніи удовлетворить просьбу уважаемаго о. діакона.

— Маленькій мнѣ домъ-то надо, таинственно замѣчалъ юродивый.

За нѣсколько дней до смерти Петропавловскій діаконъ приходитъ къ настоятелюницѣ Успенскаго

женскаго монастыря Арсеніи и просить игуменію пустить его въ обитель пожить.

Удивилась матушка.

— Какой ты право, о. діаконъ, знаешь вѣдь, что по иноческимъ уставамъ мужчинѣ въ женскомъ монастырѣ нельзя жить.

— Ты, мати, не смущайся—я буду спокоенъ. Да и мѣста мнѣ не много надо: встать, да лечь.

Послѣ визита къ игуменѣ онъ отправился къ алтарю теплаго храма и у могилъ упалъ на землю пролежавъ тутъ нѣсколько минутъ. На томъ мѣстѣ его и похоронили. Предъ смертью своею о. діаконъ прибѣжалъ къ м. Теофаніи (Шехонской) и сталъ просить, чтобы она, когда игуменія дастъ ему въ монастырѣ келлію кормила бы его бѣлымъ хлѣбомъ. Вѣроятно этимъ онъ просилъ поминать его на проскомидіи.

Умеръ о. діаконъ 24 октября 1876 года. Вѣсть о смерти раба Божія быстро разлетѣлась по городу, распространяя сѣтованіе и скорбь. Не мало чистыхъ слезинокъ скатилось съ рѣсницъ добрыхъ людей. Умеръ о. діаконъ: ужь не придетъ онъ, не скажетъ хотя и отрывистыхъ и нескладныхъ, но за то теплыхъ и искреннихъ словъ утѣшенія, не обогрѣетъ сердца взоръ его добрыхъ глазъ... Къ маленькому домику на сполье потянулся народъ.

Погребеніе о. діакона совершалось весьма торжественно, съ участіемъ видныхъ представителей

тогдашняго духовенства во главѣ съ Преосвященнымъ Θεодосіемъ. Гробъ сопровождали массы народа, которыя не рѣдѣли, напротивъ увеличивались на продолжительномъ пути отъ Петропавловской церкви до женскаго монастыря. Тѣло о. діакона, по свидѣтельству очевидцевъ, было какъ восковое, лицо какъ у мирно спящаго. На мѣстѣ погребенія юродиваго поставленъ скромный крестъ. Предъ нимъ горитъ неугасимая лампада по усердію его почитателей.

И преклоняются знающіе и слышащіе о Петропавловскомъ о. діаконѣ предъ могилою этого истиннаго учителя жизни, искавшаго не правъ, а правды Божіей, которая какъ бы сквозила черезъ тѣлесный покровъ его, проникая, какъ свѣтлый лучъ въ души людей и зажигаая въ нихъ искры добра, засыпанныя пепломъ самолюбивыхъ и своекорыстныхъ стремленій. Нѣкоторыя вологжане, закинутые далеко отъ родины, бывая по временамъ здѣсь, служатъ на могилѣ юродиваго панихиды, вспоминая о немъ съ самымъ теплымъ чувствомъ. Приходятъ къ могилѣ о. діакона помолиться изъ глухихъ мѣстъ, такіе, которые не знали погребеннаго здѣсь старца, но рассказываютъ о немъ дивныя повѣствованія...